

В.Г. Бабенко

Лягуш
ка
на
стене

Владимир Бабенко

Лягушка на стене

«Товарищество научных изданий КМК»

2017

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)

Бабенко В. Г.

Лягушка на стене / В. Г. Бабенко — «Товарищество научных изданий КМК», 2017

ISBN 978-5-9500220-5-0

Книга описывает путешествия, связанные с работой зоолога, показывает различные стороны нелегкой, интересной, веселой, а подчас и очень драматичной экспедиционной жизни, часто связанной с неординарными личностями и неожиданными приключениями. Яркая черта текстов В. Бабенко – жизненная достоверность. Всё, о чем пишет автор, он пережил сам – побывал и в тундре, и в горах, и на Ленкоранской низменности, прошел на корабле по Северному морскому пути, проводил свои исследования в Чернобыле. Книга представляет интерес для широкого круга людей, присматривающихся к профессии зоолога, а также для всех любителей дикой природы.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9500220-5-0

© Бабенко В. Г., 2017
© Товарищество научных изданий
КМК, 2017

Содержание

Предисловие	6
Гнездо стенолаза	8
Флинт	12
Наум	16
Один день во Вьетнаме	20
Каникулы на юге	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Григорьевич Бабенко

Лягушка на стене

© Бабенко В.Г., текст, 1998, 2017.

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2017.

© Чайка Д., рисунки, обложка, 2017.

* * *

Предисловие

У меня очень плохой почерк. Просто отвратительный. В самом начале своей орнитологической деятельности я ленился вечером переписывать информацию, добытую за день, из полевого блокнота в общую тетрадь-дневник. А потом никак не мог разобрать не только отдельные слова, но и целые фразы. Поэтому сейчас я каждый вечер в экспедиции нахожу время и место, чтобы почерком, доступным в дальнейшем для моего же прочтения, написать своеобразный обобщающий отчет за день. У меня в рабочем столе хранится более 30 таких тетрадей – по числу дальних командировок. В них записаны довольно скучные для непрофессионала данные: где был встречен тот или иной вид, места обитания и даты, размеры гнезд, содержание желудков добытых птиц, численность различных видов и прочее.

Но там есть и другие записи. Они стоят не в основном тексте, а располагаются сбоку, на полях. Чаще всего это только одно или несколько слов типа «таймень», «старатели», «катер “Язь”», на за ними – неординарные личности, интересные события и приключения. Это, так сказать, побочный продукт экспедиционной работы, отсев, журналистика на общественных началах, впечатления, не относящиеся непосредственно к орнитологии, короче, записки на полях дневника, из которых я и попытался сделать книгу, показав «кухню» работы зоологов-полевиков, поведать, что случается с ними во время путешествий. О научной работе зоологов сами за себя говорят монографии, книги (в том числе и Красные), статьи, тезисы и отчеты. А вот как этот материал добывается и что остается «за кадром», известно немногим.

Компонуя свои заметки, я практически не привнес в них ничего от себя. Здесь уместно вспомнить Марков термин «профессиональный кретинизм», означающий зашоренность любого узкого специалиста. Именно она и не позволила мне поступиться достоверностью, к которой за долгие годы приучала меня деятельность научного работника.

Все истории, написанные в этой книге – подлинные, все они случились со мной или моими друзьями, приятелями или знакомыми, разве что в некоторых местах я изменил названия кораблей, населенных пунктов, имена и фамилии. Мне оставалось только «сшить» разрозненные эпизоды в единое повествование (в писательском ремесле я, конечно, дилетант, и поэтому внимательный читатель наверняка обнаружит и «швы» и «стежки»).

Должен заранее извиниться за некоторые повторы. Во-первых, в любой экспедиции есть начало, середина и конец, от этого никуда не денешься. Во-вторых, интересы зоолога-полевика, как только он покидает крупный город, почему-то сужаются и вращаются вокруг нескольких житейских, часто сугубо физиологических сфер. В третьих, «в поле» зоологи и все, кто с ними встречается, одеты удивительно убого и однообразно.

Отдельно приношу извинения за крайне ограниченный выбор спиртных напитков (что связано с дефицитом застойного периода) и особенно за вездесущую на Дальнем Востоке брагу, которая еще десяток лет назад могла по праву считаться подпольным народным пойлом.

И еще об одной детали я хотел бы упомянуть. О ружье. По своей специальности я орнитолог-фаунист и во время экспедиций собираю коллекции птиц. А рабочим инструментом мне служит двустволка Ижевского оружейного завода, которую я не снимал с плеча по паре месяцев в году. Для орнитолога ружье – это то же, что сачок для энтомолога или сеть для ихтиолога.

Я отчасти понимаю, почему даже коллеги-зоологи относятся с некоторой антипатией к стрелкам в птиц (хотя, к примеру, энтомологи переводят насекомых тысячами). Я не говорю о простых гражданах, которые не колеблясь прихлопнут таракана, зарядят мышеловку куском сала или вытащат на удочку карася, но надерут уши мальчишке (и правильно!), охотящемуся с рогаткой на воробьев.

Птицелюбие – это древнее, глубокое религиозно-этическое чувство, ведь и ангелы пернатые, и святой дух изображается в виде голубя. Но тем не менее, я не стал в рассказах иску-

ственно заменять свое ружье на гербарную сетку ботаника или сачок энтомолога (хотя технически это было бы не трудно и ни один сюжет не пострадал бы). Каюсь, но мне до сих пор нравится трехкилограммовая тяжесть на правом плече и кисловатый запах пироксилина.

И последнее. События, которые описаны в этой книге, происходили давно. Сейчас не поедешь из Москвы на студенческую практику в Ленкоранский заповедник Азербайджана, на китов у нас в стране почти не охотятся, а народ во Вьетнаме не голодает. Всё это уже относится к истории. Это еще одна причина, побудившая меня сесть за пишущую машинку.

Гнездо стенолаза

Стену московской квартиры украшал вьетнамский охотничий арбалет. Маленький колчан, сделанный из отрезка бамбукового ствола, с небольшими, размером с карандаш, стрелами, лежал на полке серванта рядом с китайской бронзовой курильницей XII века, статуэткой Будды из Монголии и полинезийской инкрустированной перламутром маской из черного дерева. Но больше всего в этой комнате меня привлекали книги по орнитологии: старинные раритеты в кожаных тисненых переплетах с золотыми готическими буквами, скромные отечественные тома и роскошные современные зарубежные издания в гляцевых суперобложках.

Хозяин квартиры, Леонид Степанович, доктор биологических наук, отличался изысканностью манер, легким артистизмом, ровным характером и правильной речью с оттенком старомодного русского академизма. Он прекрасно сознавал уникальность своей библиотеки и, видимо, улавливал тот трепет, с которым я взирал на это богатство. Сизый дымок «Золотого руна» медленно тянулся вверх из английской вересковой трубки Леонида Степановича. Он встал с кресла и взял с полки книгу о птицах Юго-Восточной Азии.

– Посмотрите, – сказал он, – какая полиграфия! Качество печати начала века во многом превосходит современный уровень. Ведь кажется, что контуры рисунков выполнены тончайшей кисточкой. А между тем это отпечатано на типографской машине. И каждая иллюстрация всего тиража, хотя он и весьма небольшой, каждый контур птицы раскрашены вручную. Но это... – В трубке досадливо затрещали волокна табака.

Холёные ладони закрыли фолиант. Палец, украшенный изящным серебряным перстнем с черным камнем, слегка коснулся обложки, на которой золотом был отгиснут человечек – торговый знак издательства. В груди у человечка была аккуратная дырочка – след от пули.

– ...Когда мне первый раз показали книгу, – продолжал Леонид Степанович, – именно из-за этого дефекта я и не хотел ее брать, хотя издание очень редкое. А ведь кто-то не пожалел такую книгу испортить. Но стрелок, вероятно, неплохой был, и оружие мощное. Так что эта библиографическая редкость с небольшой изюминкой.

Под серым пеплом в трубке засветился малиновый огонек, и вверх, как кобра из корзины факира, медленно пополз извитой тяж серебристого, пахнущего медом дыма. Я пододвинул к себе том и стал медленно листать тяжелые плотные страницы, рассматривая прекрасные старинные рисунки тропических птиц.

– Да, кстати, а вы бы не хотели взглянуть на некоторые, так сказать, оригиналы этих рисунков? Ведь вы, по-моему, еще не видели мои сборы из этого региона.

Отошла в сторону темно-зеленая портьера, прикрывающая нишу в стене. На стеллажах от пола до потолка стояли большие черные картонные коробки. Леонид Степанович расставлял их на столе торжественно и неторопливо. Крышки открылись. Содержимое коробок составило бы предмет гордости многих зоологических музеев мира. Сборы Леонида Степановича славились не только наличием редкостей, но и качеством препаровки. Тушки птиц располагались ровно, как солдаты прусской армии на плацу. Хвосты были тщательно расправлены, крылышки уложены, клювики однообразно вытянуты. Не думаю, что при жизни хоть одна птица была столь тщательно причесана.

В коробке с попугаями у бледно-розового какаду на груди расплылось какое-то серое пятно. Оно никак не вязалось с известной аккуратностью Леонида Степановича.

– Я его специально оставил таким, – пояснил он, видя мое недоумение. – Попугай ел плоды манго и весь испачкался соком.

Отдельно лежали кладки птиц. Из каждого яйца через небольшое отверстие было извлечено содержимое. Пустые скорлупы были легкими, как шарики от пинг-понга.

– Здесь довольно обычные виды, – рассказывал Леонид Степанович, – утки, кулики, чайки. А в этой коробке у меня хранятся редкости. Вот, к примеру, эта птичка довольно часто встречается в горах, но гнездо ее добыть очень трудно – она селится в нишах и трещинах скал, в недоступных местах. Это гнездо стенолаза.

В коробочке, на подстилке из мха, сухой травы и шерсти, лежало четыре маленьких белых яичка с бледными лиловыми пятнышками.

* * *

– Так ты у него видел гнездо стенолаза, и он говорил, что его трудно было достать? – Миша улыбнулся. – Действительно, ему было трудно. А ведь это мы с товарищем держали веревку, по которой он спускался.

Миша – мой хороший знакомый. Он уже давно ведет биологический кружок в Доме пионеров, где с его помощью была собрана большая коллекция певчих птиц, аквариумных рыб, змей, ящериц и лягушек. Вот что я узнал от него о гнезде стенолаза.

Давно, когда Миша был совсем юным, его и еще двух студентов-биологов Володю и Леночку Леонид Степанович взял на полевую практику на Кавказ. Там он отстреливал и обрабатывал птиц, писал дневники. Студенты выполняли работу по своей теме, добывая в окрестностях лагеря мышей и полевок.

Однажды в долине горной речки Леонид Степанович обнаружил в скальном обрыве узкую щель, куда пара стенолазов таскала строительный материал – мох и овечью шерсть. Он позвал студентов, и они все вместе стали наблюдать, как небольшие птички с длинными тонкими изогнутыми клювами скользят по каменным отвесным глыбам, опираясь на полураскрытые крылья. Полет их, медленный и неровный, напоминал полет бабочек. Сходство усиливалось тем, что были хорошо заметны ярко-красные пятна на их крыльях. Птицы переговаривались тонкими звенящими трелями.

Как-то вечером, сидя у костра, Леонид Степанович объявил, что экспедиции предстоят альпинистские работы. Он послал Мишу в ближайшее селение. Через час тот вернулся с тридцатью метрами толстой веревки, которой горцы привязывали коров.

Мужская часть экспедиции подошла к обрыву. Леонид Степанович несколько раз обмотал веревку вокруг своего тела и велел студентам медленно спускать его вниз до уровня гнезда. Где находится этот уровень, должна была указать Леночка, стоявшая на другом берегу реки и следившая за ходом операции.

Светило весеннее горное солнце, шумела вода, медленно уходила вниз веревка. Раздались беспокойные крики стенолазов, тревожащихся у гнезда. Студенты внимательно смотрели на Леночку, которая изящно шевелила ручкой. Через несколько секунд горное эхо повторило два звука – испуганный визг студентки и горестный вопль Леонида Степановича. Ребята стали судорожно выбирать коровью привязь. Через несколько секунд «альпинист» показался на краю обрыва. Живой, без гнезда и насквозь мокрый. Леночкины сигналы были неправильно истолкованы, и студенты опустили орнитолога на всю длину веревки – прямо в реку.

Операция «Стенолаз» откладывалась и все ее участники устремились в лагерь. Там Леонид Степанович переоделся, подсел поближе к костру и выпил сто граммов спирта, предназначенного для фиксации амфибий. Однако даже позаимствованная у науки жидкость не помогла – начальник экспедиции простудился. Сердобольная Леночка, чувствуя свою вину, ухаживала за кашляющим и чихающим Леонидом Степановичем и самолично наклеила на его грудь перцовый пластырь.

Среди ночи из спальника орнитолога слышались стоны. Студенты проснулись. Леонид Степанович с горестной гримасой срывал со своей груди пластырь. Такое выражение лица было, вероятно, у Геракла, отравленного пропитанной ядом одеждой, которая, как известно,

намертво приклеилась к телу героя. Леночка и тут пришла на помощь и стала отдирать пластырь. Но этим она лишь усугубляла страдания несчастного Леонида Степановича. Миша и Володя с трепетом наблюдали, как Леночка ковыряет ножницами в груди начальника. Студентка напоминала полевого хирурга, делающего операцию на сердце без наркоза. По ее окончании Леночка продемонстрировала результат своего портновско-хирургического творчества – кусок лейкопластыря, густо обросшего черными волосами. Начальник же после операции целомудренно закутался в простынь и тщательно застегнул пуговицы на рубашке до самого ворота.

Утром Леночка, Володя и Миша, позавтракав и оставив выздоравливающего орнитолога в палатке, пошли к альплагерю – договариваться со спортсменами о помощи со злосчастным гнездом. Через три часа студенты вернулись.

У костра спиной к ним сидел Леонид Степанович. Он обернулся, и молодые люди остолбенели. Лицо начальника было закутано шарфом, под которым угадывался огромный флюс – результат купания в ледяной воде. Леонид Степанович медленно размотал шарф. Над ущельем грянул хохот трех молодых глоток. Леночка очень мило повизгивала, Миша, пятясь задом, хрюкал, а Володя заливисто икал. Леонид Степанович печально улыбался, ожидая, когда его юные коллеги успокоятся и вновь придут на помощь. На щеке у Леонида Степановича висела механическая бритва. Начальник в отсутствие студентов решил первый раз с начала полевой жизни побриться. Для этого он воспользовался подарком, сделанным ему перед отъездом, – бритвой «Спутник». Но растительность на его лице была столь же обильна, как и на груди, и косить ее маломощным аппаратом было все равно что стричь газонокосилкой куст малины. Волосы попали в механизм, бритву заело, и она намертво приросла к лицу Леонида Степановича. Спасли его опять ножницы и ловкие пальчики Леночки. Через четверть часа освобожденный Леонид Степанович подошел к обрыву и, размахнувшись, забросил московский подарок в гремящий поток. Стенолазы сопровождали ее полет веселым щебетом.

Наутро пришли альпинисты, потолковали с Леонидом Степановичем и через десять минут достали ему гнездо.

История со стенолазом не была бы полной, если бы не один разговор в поезде «Симферополь – Москва». Я возвращался в Москву из командировки. В Крыму была ранняя весна, холодные пыльные ветры носились между корявых стволов виноградных лоз, распятых на проволоках. Перед самым отходом поезда в купе вошел уже немолодой человек с огромным рюкзаком. Состав тронулся. Мы, как положено путешественникам, разговорились. Как только мой попутчик узнал, что в горах я никогда не был, он стал рассказывать всякие ужасы про трещины в ледниках, перебитые камнепадом веревки, коварные снежные лавины и слепые горные туманы. Наконец он немного подустал от таких страстей и замолчал. Я, завладев инициативой, сообщил ему о своей профессии. Реакция альпиниста была неожиданной. Он насупился, с трудом выдавил из себя: «Орнитологов не люблю», – и замолчал.

Проводница принесла нам еще по стакану чая, и альпинист, потеплев, поведал причину своей ненависти к представителям этой в общем-то безобидной профессии.

– Было это лет двадцать назад в горах Тянь-Шаня, недалеко от Алма-Аты, в спортивном лагере «Чимбулак», – начал он. – Я, тогда молодой инструктор по альпинизму, вел группу по одному из самых трудных скальных маршрутов – по «Иглам Туюксу». Дорога вдоль берега Малой Алмаатинки была плохая, машины по ней тогда не ходили, подобраться к «Иглам» было не на чем, и поэтому весь путь приходилось преодолевать пешком. Ведь только недавно альпинисты вооружились легкими титановыми ледорубами, нейлоновыми веревками и капроновыми рюкзаками. Тогда же все вещи были тяжелее: ледорубы были железные с буковыми ручками, рюкзаки брезентовые, веревки сизалевые. Так что идти вверх было тяжело.

Мы вышли с рассветом и только к полудню начали восхождение. Миновав морену и ледник, мы оказались у скал, а там началась настоящая работа – веревки, страховки, крючья. Про-

шли три «иглы» – три вершины – и перед четвертой мы остановились передохнуть. Вдруг слышим, кто-то за уступом разговаривает. Продвинулись еще немного и видим, что на небольшом скальном карнизе сидит какой-то субъект в телогрейке и кирзовых сапогах, рядом с ним примус, на примусе кипит чайничек, а у субъекта на коленях клеточка, в ней пищит общипанный птенчик. Любитель птиц сюсюкает с ним и кормит из баночки червячками.

Орнитолог оказался общительным и гостеприимным и предложил нам чаю. Пока мы отдыхали, он рассказал, что уже три дня лазает по горам, ищет гнездо редкой птицы (названия я не помню), и вот радость-то – сегодня нашел и взял птенчика в надежде его выкормить и воспитать. Потом энтузиаст сложил свое барахло в рюкзакишко, клеточку заботливо засунул за пазуху и с нами попрощался. Говорил, что очень торопится, что ему сегодня вечером обязательно нужно быть в Алма-Ате, птенчика пристроить. Это, мол, большая научная ценность. И посоветовал нам держаться всё время правой стороны, там, мол, скалы полегче. Собрался и, как был, в телогрейке и кирзовых сапогах, полез вверх и исчез за уступом. А мы перекусили, отдохнули, навьючились и пошли дальше с испорченным настроением, вбивая крючья и страхуясь.

Не люблю я после этого орнитологов. Еще раз я с ними встречался на Кавказе. Там какой-то профессор из Москвы нашел в скальной трещине гнездо птицы. Он сам его хотел достать, да не сумел. Ну, я ему и помог. А название этой птички я запомнил. Наше, альпинистское. Скалолаз.

ФЛИНТ

Стих грохот мотора, и громадная, окрашенная в буро-зеленый цвет машина замерла над бруствером. С траков гусениц на дно окопа медленно осыпались земля и желтые березовые листья. Дверь железной коробки вездехода открылась, и геологи, возвращающиеся в поселок с дальнего маршрута, тупо уставились на многорядную систему траншей и окопов, вырытых здесь вокруг охотничьей избушки на Западной Камчатке, вдалеке от населенных пунктов, на границе березового леса и тундры. Разведчики земных недр почувствовали, что обитатели зимовья всерьез приготовились к затяжным военным действиям.

На крыльцо вышел Юрик – лаборант нашей экспедиции. Он дымил трубкой, набитой махоркой. На плече у Юры сидела сова и смотрела на гостей единственным желтым глазом.

* * *

Нас троих забросил в эту глухомань случайный вертолет. Летчики твердо пообещали прилететь за нами через две недели. Но вертолет вместе с бравыми авиаторами так и не появился. Судьба жалилась над нами, послав через полтора месяца геологический вездеход, тем самым сняв вопрос о нашей зимовке, тем более что все сроки командировки давно истекли.

Наша сова была найдена в первый же день недалеко от избушки. У нее дробью был выбит один глаз. Птица называлась ястребиной совой за длинный хвост и поперечно-полосатый рисунок на груди. «Тельняшка» и отсутствие одного глаза дали нам повод, не особо задумываясь, окрестить ее Флинтом. но, конечно же, не в честь известного советского орнитолога, а в честь его тезки – знаменитого пирата.

У совы из-за контузии возник новый, философский взгляд на мир. Она перестала бояться людей и могла часами сидеть на плече у кого-нибудь, а чаще всего у Юрика. У нее было свое место в углу избушки, куда сову помещали только под вечер. Флинт сидел там тихо, лишь светящийся желтый глаз выдавал его присутствие.

Беспомощную птицу решено было везти в Москву. Тут же возник естественный вопрос о кормежке Флинта. Первые дни эта проблема не стояла остро, поскольку к самому порогу зимовья подошел заяц. Мы не лицемерили и не сетовали на его неосторожность, так как и Флинту и нам понравилась зайчатина. Сова сдержанно брала кусочек сырого мяса мохнатой лапой, вооруженной когтями, похожими на рыболовные крючки четырнадцатого номера, и начинала есть, зажмуриваясь от удовольствия. Когда заяц кончился, появилась забота добывать пищу Флинту.

Нашему пленнику повезло. На Камчатке в тот год было очень много полевков. Такой резкий подъем интенсивности размножения отмечается раз в 4–6 лет. Численность полевков в этот период резко возрастает, они теряют осторожность и становятся более заметными. В окрестностях нашего зимовья стебли борщевика – огромной, до трех метров высотой, травы – были обгрызены полевками, словно здесь трудилось множество минибобров. Мы знали, что ястребиные совы питаются в основном мелкими грызунами. Но мышеловок у нас не было, а добыть без ловушек вездесущих, но неуловимо быстрых полевков мы не могли.

В лесу слышался шорох – сотни лапок шелестели опавшей березовой листвой. Иногда можно было увидеть и самих зверьков – они серыми ружейными пыжами проносились через поляны. Раз такую, неосторожно перебегающую через дорогу полевку мне удалось застрелить полузарядом мелкой дроби. Обнаружив, что пахнущего порошком зверька Флинт поедает с удовольствием, я стал специально на них охотиться. Грызуны посещали помойку у избушки: они искали, чем там поживиться. Вот здесь-то я и устроил засаду, затаиваясь неподалеку с ружьем

наготове. Ожидание было напряженным, так как зверь всегда появлялся внезапно. Он выскакивал из зарослей и молниеносно с голодным писком исчезал в недрах помойки. Насытившись, полевка так же стремительно скрывалась под ближайшим кустом. Требовалась хорошая реакция, чтобы удачно выполнить стрелково-стендовое упражнение «бегущая мышь». Сидя в засаде, я пришел к выводу, что охотничий азарт вовсе не зависит от размеров добычи. Важно лишь, чтобы трофеем действительно был нужен стрелку, а сам успех целиком зависел от выдержки и реакции охотника. А так все равно кого выследивать – слона, волка или мышь.

Обещанный вертолет всё не появлялся, патроны кончались, и их оставили только для охоты на крупную дичь, вот почему ружейный промысел полевок пришлось прекратить. Мы вспомнили, каким способом ловят мелких грызунов в научных целях. В земле вырывают канавки глубиной и шириной 30–40 сантиметров и длиной несколько десятков метров. В концах земляного желоба вкапывают ведро или металлический цилиндр, из которого зверьки не могут выбраться. Наш лаборант Юра немного напутал размеры, и у него получились окопы полного профиля, соединенные ходами сообщений. Но полевки и в них ловились исправно. Теперь-то Флинт был сыт.

Хуже дело обстояло с нами. Вертолет всё не летел. Продукты кончались. Мы съели привезенный с собой хлеб и начали подбираться к запасам, которые хранились в зимовье с незапамятных времен – несколькими твердым, как бетон, громадным буханкам, превращенным мышами в настоящие хлебные дома с холлами, извилистыми коридорами, спальнями и прочими удобствами. Мы расчленили мышинные жилища на отдельные блоки, выбирая из них самые съедобные, остальные прятали, надеясь (как впоследствии выяснилось, тщетно), что до них очередь не дойдет, и нас вывезут раньше.

Юра при возведении фортификационных сооружений наткнулся на культурный слой, образованный несколькими поколениями местных охотников. На этой археологической свалке была масса полезных вещей и, среди прочего, трехметровый кусок капроновой рыболовной сети. Мы привязали ее на палку, полученный таким образом флаг опустили в реку, и с этого момента угроза голодной смерти миновала.

Дежурный каждый день проверял сетку и вынимал из нее улов – пару трехкилограммовых рыбин лососевой породы под названием кижуч. Больше этой суточной прожиточной нормы река нам, к сожалению, не отпускала. Кижуч – проходная рыба, которая живет в море, а икру мечет в реках недалеко от устья. Этой рыбе не нужно больших жировых запасов – своеобразного топлива для подъема на большие расстояния вверх истечению реки, как, например, кете или горбуше. Поэтому кижуч – очень постная рыба, и уже через час после еды нас снова посещали мысли об обещанном, но не прилетевшем вертолете. Один Флинт, скоро ставший полноправным членом нашей экспедиции, не участвовал в послеобеденных разговорах о том, как бы нам отсюда выбраться. Сова была всегда сыта, так как запас полевок в тундре, а следовательно, и в Юриных окопах, был неисчерпаем.

Но голод голодом, а работа прежде всего. В экспедиции каждый занимался своим делом. Володя изучал осенний пролет птиц на Западной Камчатке. Он оплел все окрестные березы тонкими, почти невидимыми капроновыми сетями, как паук, а затем терпеливо выпутывал из них птиц, чтобы потом, промерив, взвесив и окольцевав, отпустить их на свободу.

Юрик был по штатному расписанию лаборантом и помогал нам в работе. Он оказался страшным домоседом. В первый же день, едва переступив порог избушки, он обрезал ножом задники своих прекрасных новых туфель, превратив их таким нехитрым способом в домашние шлепанцы, а также отодрал рукава у своей куртки, сделав из нее удобную душегрейку. После этого он затопил печку и стал готовить рагу из того самого излишне любопытного зайца. Всю экспедицию он занимался кулинарными экспериментами, редко выходя из избушки. В свободное время он сидел на крыльце, читая «Письма Плиния Младшего», или же смотрел на далекие сопки, на падающие березовые листья, дымя трубочкой, которую он сначала набивал «Неп-

туном», а потом, когда табак кончился, махоркой. Мы старались не отвлекать Юрика научной работой, считая, что в экспедиции приготовление пищи – самая ответственная и важная задача.

Я облазил все окрестности, собирая птиц для Зоомузея, стараясь добыть что-нибудь покрупнее, так как для научных целей требовалась только шкурка, мясо же доставалось нам. Куропаток было мало, к тому же у меня был более опытный конкурент – лисица. Она жила неподалеку и каждое утро делала трехкилометровый обход по охотничьей тропе, которая проходила под проводами линии телефонной связи, тянущейся над тундрой. Спозаранку куропатки летели с мест ночевок на ягодники, и одна-две разбивались о провода. Несколько раз я пытался опередить лисицу, но она всегда успевала раньше, на что указывали свежие перья найденных и съеденных ею птиц.

Мы сидели в избушке уже ровно месяц. Продукты почти полностью кончились, и мы доедали остатки мышинных хлебных домов. Лишь Флинт растолстел. Он весь день дремал в углу избушки, а под вечер, когда мы укладывались спать, разевал розовую пасть, мигал желтым глазом и слабым верещанием требовал полевок. Их-то у нас было пока в избытке.

Наш зоопарк постепенно пополнялся. Однажды мы совершили далекую вылазку на берег Охотского моря и сеткой поймали шесть камнешарок – пестрых короткоклювых коренастых куличков, похожих на миниатюрных уток. Птицы названы так за одну интересную особенность поведения. В поисках пищи – мелких рачков, моллюсков, насекомых, пауков – они переворачивают прибрежные камешки, поддевая их клювом и отбрасывая в сторону.

Мы развесили на шестах у самой воды сетку-паутинку и, не торопясь, пошли к стайке камнешарок. Как и все представители куличьиного племени, они не отличались особым интеллектом. Глупые птицы, не взлетая, уходили от нас пешком, по пути отшвыривая камешки, как команда футболистов в пестрых майках, разыгрывающая сложную комбинацию. Когда они очутились недалеко от ворот – нашей сетки, мы вмешались в игру, спугнув стаю. Птицы повисли в ячейках ловчей снасти. Камнешаркам подвязали крылья, чтобы они не могли летать. В избушке мы отгородили им угол, а для развлечения положили несколько камешков. Кулики, казалось, были помешаны на футболе – целый день из угла слышались тихий топот лапок и шуршание по полу камешков – птицы отрабатывали сложные пасы.

Зато третий наш экспонат тихим нравом не отличался. Раз в сетку, погнавшись за синицей, влетел сокол-чеглок. Его мы держали взаперти, в ящике с полотняными стенками, чтобы он не видел людей. Дело в том, что как только в поле зрения сокола попадал человек, он раздражался пронзительными криками, возмущаясь своим пленением. После непродолжительной паузы птица орала уже в другой тональности, требуя есть. Он, как и Флинт, ежедневно получал порцию полевок.

Близкая зима припорошила далекие сопки снегом. Солнце расстилало на полянах золотые ковры, а в тени деревьев лежали серебряные покрывала из сухой заиндевелой травы. Светило каждый вечер умирало у ребристого горизонта, пылая немислимыми красками. Однажды Юрик, самый поэтичный из нас, не выдержал и, выпросив у Володи два карандаша – синий и красный и тетрадный листок в «клеточку», полез на крышу избушки рисовать закат.

* * *

Мы покормили наших спасителей-геологов жареным кижучем, а Юрик отдал им остатки махорки. В вездеход были погружены все вещи, коллекции, клетки с камнешарками и чеглоком. Лишь Флинт, как равноправный член экспедиции, сидел на рюкзаке и смотрел единственным глазом вперед на дорогу, на хлюпающие под гусеницами болота, на темные озера, на глупых, уже белеющих на зиму куропаток, вылетающих из-под тупого рыла машины на улицы поселка, до которого мы наконец-то добрались.

Вездеход с ревом несся по главному проспекту. Поселок выглядел празднично – на стенах домов, на подоконниках, на бельевых веревках висели кумачовыми флагами распластанные подвяливающиеся тушки рыбы. Гуляющие пацаны ели фантастические бутерброды с красной икрой, намазанной на хлеб двухсантиметровым слоем, не компенсирующей, впрочем, хроническую нехватку здесь фруктов. Парни равнодушно смотрели на текущую через поселок речку, где на перекатах теснились блестящие рыбы спины, или лениво бросали камни, стараясь попасть в плывущего у берега страшного зубаря – самца горбуши.

В тот же день мы самолетом местной линии добрались до Петропавловска-на-Камчатке. После утрамбованных спальников, прокопченного потолка, соседства с самодельным зоопарком и проблематичности питания гостиница «Авача» была для нас земным раем. Мы ввалились в светлый холл пиратской толпой. Флинт, как и положено, был впереди: он сидел на плече у Юры. Пока мы заполняли документы, сова неподвижно сидела на брошенной на полированный стол безрукавке нашего лаборанта. Изредка какой-нибудь спешащий человек ловил желтый взгляд Флинта, испытанно останавливался, встряхивался, как будто отгоняя от себя наваждение, и, углубившись в свои деловые мысли, шел дальше. Устроившись в номере, помывшись в ванне и разместив птиц, мы поехали в аэропорт за билетами.

Тем временем горничная, посетившая наши апартаменты, начала свое знакомство с орнитофауной Камчатки. В ванне резвилась стайка камнешарок, гоня по эмалированной поверхности пробку. В комнате излишне любопытная сотрудница гостиницы неосмотрительно открыла створки тумбочек. Из первой на нее осуждающе посмотрел сонный Флинт, из второй на бедную женщину закричал, жалуясь на свою неволю, чеглок.

К моменту нашего возвращения вся гостиница знала, что мы в номере содержим уток, а также филинов и орлов, бросающихся на людей. Но гнев администрации нам был уже не страшен – мы взяли билеты на утренний московский рейс.

Наум

«Запорожец» остановился в тени навеса, увитого виноградной лозой, на которой уже начинали буреть гроздья. Лай разорвал жару, висевшую над частным домом на окраине Симферополя. За сетчатыми стенками просторных вольеров запрыгали собаки. Особо радовался Шериф, любимый фокстерьер Юрия Ивановича – хозяина псарни. Наум проснулся.

«Сейчас начнется, – подумал он. – И так каждый день. Хоть бы выходные давал».

Наум был красивым матерым лисом. Даже сейчас, летом, шерсть на нем была длинная, шелковистая, рыжеватая на спине и белая на брюхе. А к зиме, полиняв, он становился настоящим франтом.

Еще лисенком он был поселен Юрием Ивановичем в вольер, где жил в холе и сытости. За содержание Наума Юрий Иванович получал от собачьего клуба червонец в месяц. Лис отработывал эти деньги своей шкурой – на нем притравливали парных собак.

Наум походил по цементному полу, приятно прохладному в эту проклятую крымскую жару, к которой он, северянин по рождению, никак не мог привыкнуть. Лис зевнул, показав розовый язык и крепкие не сточенные зубы, ткнул носом в пустую миску – час вечерней кормежки еще не настал – и неторопливо забегал по клетке. Он был солидным зверем, не любил резких движений и слегка презирал своего несдержанного приятеля Шерифа, который в соседнем вольере прыгал до потолка, заходясь от лая.

Юрий Иванович осмотрел свое собачье хозяйство и пришел в ужас: в вольере с гончими (из самой тульской волкогонной стаи) он обнаружил трубчатую кость куриной ноги. Юрий Иванович стал причитать на весь двор неожиданно тонким бабьим голосом.

За кормежку собак отвечала его мать. Услышав стенания сына, она вышла из дома. Огромный плотный Юрий Иванович, грозно вращая жгучими карими глазами, бросился к ней, размахивая костью.

– Ты же знаешь, что значит для собаки такая кость – это болезнь, гибель и смерть! Ты посмотри, посмотри, какие здесь края – как сверло. Бедное животное съест его и тут же желудок пропорет! Безобразие! Учю, учю, а всё без толку!

Маленькая сухонькая старушка слушала своего любимого сына, вытирая руки о фартук, и робко оправдывалась, говоря, что это соседские мальчишки приходили и кормили собачек.

Услышав о мальчишках, Юрий Иванович еще больше рассвирепел:

– Как, моих лучших в городе собак, да что там в городе – во всем Крыму, кормят какие-то мальчишки! Это же элитные животные! Русские пегие гончие! Их предки из самой Англии! Я против детей ничего не имею, пусть по двору ходят, пусть по саду лазят – яблоки, персики и груши кушают, пусть, наконец, на собачек и Наума смотрят, но уж корми животных, пожалуйста, сама и чтобы такая вот гадость – и он помахал перед лицом матери злополучной куриной ногой – в вольеры больше не попадала.

«Да, – подумал Наум, – хозяин сегодня не в духе, придется поработать как следует».

Юрий Иванович тем временем расположился в прохладной летней кухне и, успокаиваясь, стал поедать огромную тарелку борща, периодически отрываясь от нее, чтобы еще, правда уже без прежнего подъема, поворчать на свою мать.

Юрий Иванович всю жизнь проработал на железной дороге инженером-электротехником. Служба ему нравилась, он был квалифицированным специалистом, уважаемым начальством и подчиненными. Но настоящее дело, которому он отдавался всей душой и которое поглощало всё его нерабочее время, была охота. Ему бы родиться и жить где-нибудь в Сибири, на Дальнем Востоке, в Приполярном Урале или в Архангельской тайге, там, где еще остались нетронутые леса, реки, озера, дичь и рыба. Но судьба распорядилась иначе, забросив его в

курортный крымский город, где было очень много праздных людей и очень мало мест для охоты.

Юрий Иванович обожал собак, конечно же, охотничьих собак. Но особую страсть он питал к фокстерьерам. Юрию Ивановичу – мастеру по натаске этих собак на лис и барсуков – правление клуба доверило содержать Наума, которого специально еще лисенком отловили на далекой вологодской земле. Наум подрос, окреп и стал зарабатывать себе на жизнь борьбой с фокстерьерами в искусственной норе. А чтобы лис всегда был в форме, Юрий Иванович устраивал ежедневные дружеские встречи между ним и Шерифом – своим любимым псом.

Был Юрий Иванович еще и заядлым рыбаком, но рыбаком криминальным. Он не любил следить за лениво плавающим на мутной воде жалких крымских прудов поплавком. Не любил и морскую ловлю с лодки, когда надо было опустить на дно наживку и дергать в ожидании поклевки, а потом выбирать десятки метров лески, поднимая наконец бычка с выпученными глазами.

Однажды его приятель, капитан небольшого сейнера, взял Юрия Ивановича с собой в рейс. И Юрий Иванович вместе с рыбаками выбирал сеть. Но и это ему не понравилось: не было элемента охотничьей удачи, везения, случайности. Массовая заготовка пищевого продукта его не привлекала.

Юрий Иванович после долгих поисков нашел наконец место и способ подходящей для него рыбалки. Ездил он туда всегда в одиночку, не беря даже лучших друзей, чтобы наиболее полно насладиться процессом ловли. Он выезжал ночью. Проехав около двух десятков километров по симферопольскому шоссе, он сворачивал на проселок и там, выключив фары, крался на малом газу около пяти километров по балке до ставка – большого искусственного пруда, в котором местный колхоз разводил карпа.

Юрий Иванович вылезал из машины, тихо прикрывал дверь, вдыхал настоящий на душистой полыни воздух и доставал из багажника несколько пакетов. Железнодорожник был обстоятельный мужик, к тому же инженер по профессии, и всё у него было сделано на высшем уровне.

Из первого мешка появлялся кусок маскировочной сети, выпрошенной у знакомого старшины. И даже в безлунные ночи, когда стояла такая темнота, хоть глаз выколи, и «Запорожец» темно-серого цвета не был виден с двух шагов, машина всё равно маскировалась. Во втором пакете была надувная резиновая лодка, раньше оранжевая, но впоследствии заботливо перекрашенная Юрием Ивановичем в малозаметный, особенно ночью, цвет хаки. Рыбак открывал вентиль небольшого баллончика, и через минуту надутая лодка была готова к плаванию. В третьем пакете находился предмет гордости Юрия Ивановича – фирменная японская сеть, привезенная ему с Дальнего Востока знакомым охотником. Сеть имела плавающую верхнюю подбурю и утяжеленную нижнюю и никогда не путалась, но любивший во всем порядок Юрий Иванович всякий раз тщательно перебирал и складывал ее.

Юрий Иванович садился в лодку и отплывал туда, где с колхозной лодки ежедневно рассыпали рыбам корм. Это место он выявил, проведя несколько дней на ближайшем бугре с армейским биноклем. Браконьер ставил сеть и греб назад к «Запорожцу». Там он садился на теплую землю и курил, спрятав сигарету в рукав, слушая, как плещется в ставке рыба, кричат древесные лягушки и трещат сверчки.

Через полчаса Юрий Иванович снимал сеть и выпутывал дрожащими от азарта руками десяток трепещущих карпов. Потом быстро сворачивал лодку, убирал маскировку с машины, грузил всё в багажник и покидал заповедный водоем. Фары он включал только на шоссе Москва – Симферополь.

Председатель колхоза, в ведении которого находился ставок был хорошим приятелем Юрия Ивановича, заядлым охотником и прекрасно знал о его ночных рейдах. Несколько раз

он увещевал своего друга прекратить добывать рыбу нечестным путем и предлагал приехать днем и взять карпов в колхозе по себестоимости.

– А если денег нет, то возьми бесплатно мою долю, – добавлял председатель. – Только не крадись ночью, как тать. Перед людьми стыдно. – Но Юрий Иванович на увещевания не поддавался:

– Да не нужна мне твоя рыба, – говорил он. – Если потребуется, капитан сейнера хоть грузовик пришлет. Мне охота нужна, понимаешь, охота.

– Ну, если охота, тогда конечно, – соглашался председатель, – только тогда карпов отдавай.

– Какая же охота без трофеев? – удивлялся Юрий Иванович и не отдавал. Рыбу он, кстати, не ел ни в каком виде, просто на дух не переносил.

Вред от набегов железнодорожника был невелик, местные колхозные мальчишки-браконьеры ловили удочками больше. Честный председатель отказывался от своей доли рыбы в пользу Юрия Ивановича и приказал сторожам не трогать человека в «Запорожце», покрытом маскировочной сетью. Сам он, как настоящий охотник, об этом распоряжении Юрию Ивановичу, конечно, не сказал.

Наум видел, как подобревший после борща хозяин вышел из летней кухни. У входа его встретил Шериф. Пес радостно запрыгал, отталкиваясь от земли всеми четырьмя лапами, подлетая вверх до лица Юрия Ивановича.

«Вон как веселится, – с завистью подумал лис. – А я так не могу, отяжелел, а ведь мы с ним ровесники».

– Ну как, Наум, готов? – спросил Юрий Иванович, открыл вольер лиса и впустил туда фокстерьера.

«Хоть и росли мы вместе с щенячьего возраста, а сейчас вроде как враги», – подумал Наум, забившись в угол клетки и утробно урча. Уши его были прижаты, шерсть вздыбилась, глаза горели, словно у кровожадного хищника. Сегодня надо показать образцовый бой и хоть этим развеселить хозяина.

«А Шериф-то с возрастом ничуть не изменился», – подумал лис, делая из угла первый выпад и следя, как пес с грацией боксера пружинисто ушел в сторону.

Простоватый Шериф тоже чувствовал, что куриная кость испортила хозяину настроение, и хорошо подыгрывал Науму. Два раза он вцеплялся ему в бок, но не больно, не так, как невоспитанная молодежь в искусственных норах, которую Науму приходилось учить. Фокстерьер выволакивал Наума на середину вольера, ослаблял хватку, давал лису вырваться и обороняться в более выгодной позиции – в углу. На третий раз Наум сам подставил под горячую пасть Шерифа загривок, там, где шерсть была плотнее и уже образовалась привычная к собачьим челюстям мозоль. После этого Наум обмяк и позволил себя потрясти. Уж это – победную тряску жертвы – Шериф делал всегда с большим азартом и очень натурально. Так же ему удавалась и «мертвая хватка», когда Юрий Иванович хватал их руками и долго отрывал пса от лиса.

После травли Юрий Иванович хвалил фокстерьера и жалел Наума. Лис не был самолюбивым и спокойно принимал хозяйские соболезнования. Фокстерьер же был горд, будто действительно победил в честном бою сильного противника. Он иногда даже вырывался из рук хозяина, как будто снова хотел вцепиться в Наума. Когда лиса посадили в вольер, он стал деловито чистить шкурку на загривке, замусоленную неаккуратным Шерифом. Веселый пес скакал возле сидящего под жесткими виноградными листьями Юрия Ивановича, разомлевшего от вкусного обеда и от вида охоты на лис.

Фокстерьер на секунду подбежал к вольеру с Наумом посмотреть, не помял ли его ненароком. Лис и пес беззлобно обнюхали друг друга через решетку.

Солнце ушло со двора. Наум закончил свой туалет и начал стайерский бег трусцой из угла в угол, негромко задевая когтями бетонный пол.

К Юрию Ивановичу пришли его приятели, и начались ежевечерние рассказы про собак, про ружья, про удачные и неудачные выстрелы, в общем те обычные разговоры, от которых не устают только охотники. Пришел и председатель колхоза, на пруду которого браконьерил Юрий Иванович. Он принес во влажной мешковине трех карпов.

– На, – сказал он, – чтобы тебе не ездить, бензин не жечь.

Юрий Иванович обиженно хмыкнул, но рыбу взял. В псарне Юрия Ивановича наступил час вечерней кормежки. Мать хозяина разлила в корытца вкусную похлебку. Наум ел степенно, помня свой возраст, боевой стаж и брезгливо прислушиваясь к пороссячьему чавканью, исходившему из вольера Шерифа. Лис вылизал корытце, сладко потянулся и пошел спать.

Громкие прощания расходившихся гостей разбудили Наума. Он приоткрыл глаза, увидел, что темнеет, что зажглась лампа, освещающая двор.

Юрий Иванович проводил оставшегося ночевать председателя колхоза в отведенную ему комнату, посидел на крыльце, покурил, дождался, пока тот захрапит, и пошел к машине.

Наум проснулся еще раз под утро от негромкого звука захлопнувшейся дверцы автомобиля.

Серел восток. Во дворе стоял «Запорожец», пахнувший ночной полынью, бензином, водой и рыбой. Юрий Иванович стоял рядом и прислушивался к храпу председателя. Потом он осторожно открыл вольер лиса и положил в корытце небольшого карпа. Юрий Иванович протянул руку и осторожно погладил лиса. Наум притворился спящим. Хозяин улыбнулся и пошел в дом – соснуть часок перед рабочим днем.

Один день во Вьетнаме

Генеалогия Леонида Степановича была связана с Левантом. Поэтому он, как и всякий восточный человек, был мудр и нетороплив, а вследствие этого просыпался долго. Лежа в утренних сумерках под пологом противомоскитной сетки, он слушал, как тоскливо переключаются в джунглях, за околицей лесной деревни здешние совы, курил трубку, наблюдая, как клубы ароматного дыма в сереющем рассвете тропического утра стоняют с наружной стороны защитной ткани комаров.

Летучая мышь, стремительно вспорхнувшая в открытую форточку и так же быстро растворившаяся за окном, заставила его вспомнить недавний спектакль.

В Ханое вьетнамские зоологи обещали сводить советских коллег на классическую постановку о героической борьбе вьетов с захватчиками срединной империи. Однако то ли гиды не уточнили репертуар, то ли произошла непредвиденная замена, но когда в столичном театре поднялся занавес, на сцене вместо изысканного интерьера средневекового дворца Сына Неба, полного наложниц, сановников и стражников, оказалась грубая декорация цеха по производству бетонных плит, а актеры изображали директора, рабочих, инженеров и секретарш. Единственным настоящим предметом был огромный стальной крюк подъемного крана, подвешенный тросами к потолку.

Актеры суетились на сцене и что-то лопотали на непонятном для Леонида Степановича языке – вероятно, по сюжету, на завод приехало высокое начальство.

«Всё как у нас в институте», – подумал Леонид Степанович и заскучал. А так как до прохода было далеко и покинуть зал не было никакой возможности, он целый час в течение первого акта, развлекался тем, что наблюдал совершенно необычное для отечественных театров явление: мелких летучих мышей, стайкой вьющихся над актерами и над зрителями. Три более крупных рукокрылых ловили мошек под самым потолком, кружась у висящего крюка.

Леонид Степанович вместе с другими советскими зоологами сбежал во время антракта. Они пошли к гостинице через городской парк. Днем он казался безжизненным; сейчас же он был полон звуков. Кто-то передвигался в кронах деревьев, царапал когтями кору, шуршал в кустах, хрюкал, чавкал, повизгивал и что-то грыз: днем животные этого осколка тропического леса отсиживались в укрытиях: дуплах, норах, и древесных расщелинах, зато ночью жизнь здесь была ключом: одни гибли, другие отъедались.

Многочисленные влюбленные парочки, у которых тоже проявилась ночная активность, были заняты только друг другом, абсолютно не обращая внимания ни на таких же соседей, ни на проходящих мимо советских специалистов.

Вечером улицы его города были относительно тихими. Леонид Степанович вспомнил, что днем, когда его вьетнамцы вели к театру, здесь было многолюдно и стоял невообразимый грохот: жестианщики, мастерские которых располагались прямо на улице, гнули железо, медь и латунь и клепали какие-то тазы, корыта и кувшины. Рядом невозмутимый водитель сломавшегося грузовика, вероятно, утомившись чинить свою машину, подвесил под ней гамак и решил соснуть часок в теньке. В белоснежных блузках, юбках и брючках, легких туфельках, изящно, будто они и родились в седле, проезжали на мотороллерах юные вьетнамки, но вся их женственность пропадала, когда они, покинув свои транспортные средства ковыляли ужасной гиббонообразной походкой к какому-нибудь торговцу. Проехал велосипед, со всех сторон плотно завешанный бамбуковыми клетками с кричащими утками и невидимым развозчиком живого товара внутри.

В мясном ряду орнитолог обратил внимание на редкий для советских рынков товар: опаленные, начисто лишенные шерсти, копченые и натертые желтовато-оранжевыми специями с окалившимися белозубыми пастями тушки собак.

Леонид Степанович задержался в ряду, где торговали дикими животными. Большинство из них предлагалось для внутреннего употребления. Исключение, пожалуй, составляли полуобезьяны лори, попугаи, говорящие скворцы и ткачики. Других же не столь способных и красивых животных ожидала та же участь, что уток, кур и собак.

В качестве лекарственных снадобий продавались змеи и ящерицы. Леонид Степанович неосторожно попросил одну очень пожилую вьетнамку, сидящую на корточках, показать, что шевелится в лежащем рядом с ней мешке. Бабка развязала его и стала шарить внутри рукой, да так долго, что Леониду Степановичу даже захотелось помочь ей. Наконец торговка вывернула мешок, и на землю вывалилась довольно приличная змея, которая оказалась рассерженной коброй, тут же принявшей боевую стойку. Леонид Степанович, его гиды и соседи бабки по Охотному ряду разом подались в стороны.

На прощанье покидавший рынок советский натуралист в полнокровной сточной канаве обнаружил никем не продаваемых роскошных тропических рыбок макроподов, по окраске, по стати и по размерам выгодно отличавшихся от аквариумных выродков, которыми под тем же названием торговали на Московском птичьем рынке.

* * *

Трубка прогорела, и орнитолог, откинув полог, встал, оделся и спугнув с подоконника двух розовато-серых юрких гекконов, быстро пробежавших по стене и вытряхнул третьего из чашки. Леонид Степанович взял полотенце и полиэтиленовый мешочек с мылом, зубной пастой и щеткой и вышел во двор биологического стационара советской Академии наук, расположенного в тропической деревне Индо-Малайской области.

Несмотря на ранний утренний час, у родника местная красавица соседка уже совершала омовение. Леонид Степанович с удовольствием наблюдал за этим до того момента, пока та не начала чистить зубы. В стране, где все было в дефиците, зубная паста считалась необоснованной роскошью. Поэтому красотка, взяв большой кусок зеленого хозяйственного мыла, густо намылила им зубную щетку и приступила к утренней гигиенической процедуре, пуская пузыри. Сердце орнитолога дрогнуло. Он подошел к вьетнамке, приветствовавшей его ослепительной пенной улыбкой, и протянул ей свой тюбик с зубной пастой.

Вскоре после этой встречи у источника Леонид Степанович позавтракал. Процесс еды для орнитолога являл собою большее, чем просто прием пищи; он был почти культовым действием. В этом, как и в науке Леонид Степанович был очень разборчив, требователен и щепетилен. Это касалось и сервировки стола, и происхождения и качества продуктов. Леонид Степанович был настолько корректен, что даже хлеб брал вилкой.

Позавтракав, Леонид Степанович облачился в костюм, наиболее подходящий для тропических лесов: кеды, майку-безрукавку и хлопчатобумажные тренировочные штаны, взял свое любимое охотничье ружье – ржавую одностволку двадцатого калибра – и неторопливо побрел в джунгли.

Мужчины этой деревушки, расположенной недалеко от камбоджийской границы, провожали Леонида Степановича насмешливыми взглядами: в этой деревне даже у десятилетнего пацана была китайская или французская винтовка. В хижинах же уважающих себя охотников висели американские М-16 или советские АК-47.

Леонид Степанович специально покинул лагерь пораньше, планируя провести в лесу целый день. Ходили слухи, что как раз сегодня стационар должен был посетить курсировавший где-то по Вьетнаму один из руководителей института зоологии, по совместительству – заядлый охотник. А приезд начальства (как помнил из недавнего спектакля Леонид Степанович) всегда связан с суетой, которую он, как восточный человек, очень не любил.

На краю леса в зеленых неподвижных сумерках он увидел какое-то движение и направился туда. Шел лет термитов. Касты рабочих насекомых и солдат всю свою жизнь проводили под землей, в темноте, строя там галереи, добывая корм, ухаживая за царицей и защищая семью от врагов.

Раз в году молодые крылатые самцы и самки в массе появились на поверхности и устремились в брачный полет. Это и посчастливилось увидеть Леониду Степановичу. В утреннем тропическом лесу на несколько минут выросла колеблющаяся и мерцающая желтоватая колонна полутора метров шириной и в десяток метров высотой, «построенная» из тел роящихся термитов.

Медленный прямолинейный полет, огромная концентрация насекомых и их полная беззащитность (крылатые самцы и самки в отличие от солдат не имели мощных челюстей) вызывали судорожное оживление среди пернатых. В сумерках вокруг дарового угощения носились еще не спрятавшиеся ночные козодои и уже проснувшиеся стрижи, широкогороты, дронго и черные длиннохвосты кукушки. Все они, ловко порхая, хватали термитов.

Обильный корм привлек и птиц, совершенно не приспособленных к ловле насекомых на лету. Появилась пара крупных птиц-носорогов. Каждой удалось, пролетая по касательной, схватить хотя бы одно насекомое. После этого птица начинала долго и трудно маневрировать, с явным усилием разворачивая свое массивное тело, стараясь одновременно и не врезаться в дерево, и побыстрее вернуться к рою. Сквозь шелестящий полупрозрачный столб взлетевших насекомых проносились более быстрые но такие же маломаневренные черные скворцы – священные майны, привыкшие собирать корм на земле или на ветвях деревьев. Им, как и птицам-носорогам, удавалось схватить всего несколько термитов, прежде чем живая шевелящаяся колонна осела. Оставшиеся в живых насекомые навечно скрывались в своих подземных жилищах. Леонид Степанович рассмотрел птиц, крутящихся возле членистоногих, не нашел для себя ничего интересного, поэтому стрелять не стал и ушел с поляны раньше, чем стали разлетаться пернатые.

Орнитолог брел по лесной дороге, периодически останавливаясь и вспоминая родное Подмосковье, где птиц можно было не только слышать, но и видеть. Здесь же пернатые были почти полностью скрыты непроницаемой тропической растительностью. Леониду Степановичу удалось добыть у ручья мелкого блестяще-голубого зимородка и крошечную, размером с колибри, нектарницу с оранжевым брюшком. А еще он нашел метровое перо аргуса – очень редкого тропического фазана – и тоже взял его с собой. У орнитолога оставалось еще целых три патрона с мелкой дробью – бекасинником, и он продолжил свое путешествие.

Стоило Леониду Степановичу хоть ненадолго остановиться в сыром месте (ну, например, затем, чтобы выкурить трубку), как к нему отовсюду по земле торопливыми шагами, складываясь пополам, словно гусеницы бабочки-пяденицы, устремлялись серовато-бурые сухопутные пиявки, а с кустов пытались напасть их зеленые коллеги.

Учуявшие теплокровный организм кровопийцы были разных размеров: от мелких, со швейную иголку, до почти в палец длинной. Леонид Степанович знал, что если они доберутся до него, то просочатся под одежду, и, напившись крови, растолстеют и отвалятся, а красные ручейки будут около суток течь из ранок, нанесенных зубами пиявок.

Спокойный Леонид Степанович оставался на месте до тех пор, пока авангард кровососов не приближался вплотную, после чего неторопливо уходил в сторону, покидая голодных, скорбно кивающих ему вслед вампирчиков из типа кольчатых червей.

Для долговременного отдыха Леонид Степанович выкосил ножом траву в круге диаметром около трех метров, сам сел в центре, достал из сумки пакетики с бутербродами и вилку и, поочередно нанизывая на этот соловый прибор сэндвичи, закусил, наблюдая, как со всех сторон к нему спешат пиявки. На границе скошенной травы беспозвоночные упыри останавлива-

лись, приподнимали передние части тел вверх и раскачивались, словно ощупывая невидимую преграду, но дальше не двигались, как если бы орнитолог был обведен магической чертой.

На стволе поваленного через лесную тропу дерева цепкий взгляд натуралиста различил в окраске зеленой лианы определенную закономерность идущего по ней рисунка. Только по нему он опознал контуры огромной изумрудной куфии – страшно ядовитой змеи, которая на языке местного охотничьего племени называлось в приблизительном переводе «три шага». Ровно столько, согласно молве, мог пройти укушенный этой рептилией человек. Леонид Степанович во время своих экспедиций дважды наблюдал, как оливковые вьетнамцы, сопровождающие его в тропическом лесу, при виде куфии становились пепельно-серыми от страха.

К полудню стало жарко. Цикады разгоняли сонную дневную тишину джунглей разнообразными телефонными звонками, трелями будильников и милицейскими пересвистами. Насекомых было столь много и музицировали они так громко, что приходилось напрягать слух, чтобы услышать голоса пернатых. Цикады, сидевшие на стволах деревьев, были совершенно незаметны, так как бурый рисунок на полупрозрачных, сложенных «домиком» крыльях прекрасно маскировал их. Иногда то одно, то другое насекомое срывалось с насиженного места и перелетало на другое соседнее и там, приняв к стволу, на глазах исчезало.

В зеленых кронах деревьев изредка мелькали силуэты птиц, глухо бухали увидевшие Леонида Степановича местные белки. Они были разные: мелкие и полосатые, как бурундуки, побольше, с красным брюхом, и огромные, черные.

По провисшей лиане, грациозно балансируя длинным хвостом, ловко пробежала крупная непальская куница.

В середине дня Леонид Степанович набрел на ошалевшую от жары птицу-носорога, слетевшую в поисках прохлады вниз. Птица сидела на ветке в метре от земли, приспустив крылья и раскрыв клюв, и с завистью глядела на выносливого исследователя, который умудрялся двигаться в такой жар. Леонид Степанович, засмотревшись на пернатого носорога, случайно задел висевший на дереве, плотный шар свернутый из зеленых листьев, ружьем. Тотчас из него выбежали мелкие светло-рыжие муравьи и резвым ручейком заструились по стволу ржавой «Тулки». Леонид Степанович быстро отставил ружье в сторону, но все таки два или три муравья добрались до орнитолога и пребольно его ужалили.

Неожиданно со стороны камбоджийской границы послышался далекий шум мотора: оттуда шла машина. Леонид Степанович остановился и задумался. Отношения с соседней страной у Вьетнама были двусмысленно-напряженными. Граница не охранялась ни с одной из сторон; поэтому этническая и социальная принадлежность, а так же эмоциональный настрой сидевших в приближающемся автомобиле людей были непредсказуемыми.

Сначала Леонид Степанович хотел спрятаться. В условиях тропического леса это не представляло большого труда: надо было просто сойти с дороги, углубиться в джунгли на несколько шагов и оставаться неподвижным. Однако Леонид Степанович скрываться не стал, памятуя о том, что местные жители могут ориентироваться в стоящих стеной зарослях каким-то шестым, неведомым европейцу чувством. Кроме того, Леонид Степанович был восточным человеком, а следовательно фаталистом, и поэтому просто продолжал идти по дороге.

Из-за поворота, ныряя по ухабам красной земли, медленно выполз джип Ульяновского автозавода. Отечественная техника не обрадовала Леонида Степановича, так как внутри могло оказаться всё что угодно: от камбоджийских диверсантов до местных сепаратистов или простых вьетнамских бандитов.

«Уазик» приближался. Леониду Степановичу пришло на ум, что он отдаленно походил на ежа: такой же плотно-приземистый, серый и пыхтящий. Лобовое и боковые стекла машины были сняты, и стволы разнообразных ружей, винтовок и автоматов, во множестве торчащих изнутри машины, удачно имитировали ежиные иголки.

«Камбоджийцы», – с тоской подумал Леонид Степанович, вглядываясь внутрь машины, плотно набитой мелкими, жизнерадостно улыбающимися монголоидами. Орнитолог почему-то вспомнил, что обедал давно, и уже приготовился к тому, что ему, голодному, придется обрабатывать добытых сегодня птичек в бамбуковой камере заграничной тюрьмы. Машина тем временем подъехала вплотную, и разнокалиберные стволы легкого стрелкового оружия угрожающе зашевелились, как пушки броненосца «Князь Потемкин Таврический», проходящего сквозь строй царской эскадры.

Леонид Степанович присмотрелся и увидел, что фигура на переднем сиденье, располагавшаяся рядом с водителем и вооруженная крупнокалиберным карабином Манлихер, по габаритам вдвое превосходила низкорослых азиатов.

– Вот не повезло, среди них и западный инструктор, – содрогнулся Леонид Степанович, безуспешно вспоминая английские слова, поправляя свою легкомысленную маечку и пробуя щеки, покрытые хорошей горской щетиной (увлекшись утром вьетнамкой, он забыл побриться).

Машина остановилась рядом с исследователем фауны птиц юго-восточной Азии. В европейском резиденте орнитолог с облегчением узнал собственного начальника – профессора Рычева, как раз сегодня пробирающегося тайными тропами вьетнамских джунглей на собственный стационар. Встреча с подчиненным в Индо-Малайских джунглях, казалось, сильно обескуражила Рычева. Он вылез из машины и сдержанно поздоровался, не выпуская из рук Манлихер. Рычев внимательно осмотрел Леонида Степановича, его возмутительную экипировку, включая майку, убогую одностволку и перо аргуса, которое орнитолог воткнул в головную повязку. Он даже заглянул в полевую сумку орнитолога, где лежали три неизрасходованных патрона с бекасинником, микроскопические зимородок и нектарница, кисет с табаком, трубка, вилка, пачка сигарет и спички. Профессор был явно в чем-то сильно разочарован. Наконец, после недолгого разговора о каких-то пустяках, он обронил фразу, которая многое прояснила.

– А как здесь насчет леопардов? – будто невзначай спросил Рычев.

– Каких леопардов? – не понял Леонид Степанович.

– Да вот вьетнамские коллеги, – начальник обернулся к «уазику», откуда вьетнамские коллеги радостно заулыбались и замахали автоматами, – вьетнамские коллеги сказали, что в приграничной местности очень много леопардов. Вот мы и решили, поехать сюда, определить их численность. А заодно и поохотиться. Но я вижу, что леопардов здесь маловато будет.

Он с досадой посмотрел на несъеденного Леонида Степановича и пошел к машине.

– Жду вас вечером на стационаре, – сказал он на прощанье.

Машина тронулась. Леонид Степанович посмотрел ей вслед и увидел, как ружейные стволы втягиваются внутрь: «ежик» лысел прямо на глазах.

Леонид Степанович побродил по лесу еще пару часов, больше никого не добыл и повернул назад.

В джунглях, окружающих деревню, птицы по-прежнему пели редко, зато постоянно слышались выстрелы: то сухие – американских винтовок, то гулкие, ружейные, а то и автоматные очереди. Пальба шла повсюду: казалось, невидимые части ведут изнурительные позиционные бои. Объяснялась эта лесная канонада просто: за 30 лет практически не прекращающихся войн на Вьетнамской земле скопилась масса разноплеменного огнестрельного оружия, начиная с французского и кончая китайским. Привычным элементом ландшафта было множество армейского металлолома, и в частности блестящих, не ржавеющих алюминиевых обломков сбитых американских самолетов.

Практически каждый житель деревни имел свой «ствол», при помощи которого он промышлял в джунглях. А так как в этой стране не было никаких правил и запретов на добычу дефицитного протеина, то стрельба велась круглосуточно и круглогодично.

Вдоль стен удачливых охотников на веревках гирляндами висели черепа добытых животных. Коллеги-териологи пытались выпросить некоторые образцы для музея, но вьетнамцы, для которых эти костяки служили талисманами, ни за какие блага (даже за новые туристические ботинки) не отдавали их.

Ценный белок промышленляли не только мужчины, но и женщины. Утром, идя на прополку рисового поля, вьетнамки вешали за спиной небольшую глубокую корзину и по дороге или во время работы собирали туда мелкую живность: лягушек, улиток, рыбок, обитающих на мелко-водных рисовых чеках. А вечером из этого готовился ужин.

По мере приближения к деревне выстрелы стали чаще и громче: мальчишки, которым родители запрещали ходить далеко в джунгли, стреляли прямо у околицы.

Дорога спускалась прямо в ложбинку, на дне которой тек ручей. Автомобильная колея проехавшего «уазика» с профессором-звероловом пересекла водную преграду вброд, а для пешеходов был построен легкий мостик из трех стволов бамбука. На мостике, над заводью стоял одинокий сидящий вьетнамец в шляпе-зонтике из рисовой соломы, и с деревянным, полированным, изящным, как скрипка, арбалетом за спиной, и задумчиво смотрел в воду.

Леонид Степанович, подходя к переправе, невольно залюбовался этой картиной, словно сошедшей с древней китайской гравюры: возвращающийся домой охотник на миг остановился в бамбуковой роще у прозрачного ручья. Некоторую дисгармонию в эту средневековую идиллию вносил потертый Калашников, который вьетнамец держал в руках, но Леонид Степанович постарался не обращать внимания на этот анахронизм.

Орнитолог подошел и поздоровался, сказав одно из двух ему известных вьетнамских слов, то, которое, как он надеялся, означало приветствие. Индо-малайский мечтатель оглянулся на Леонида Степановича, удивленным взглядом скользнул по его оружию и по перу аргуса и, видимо, обрадовавшись появлению собеседника (хотя и белого), произнес на птичьем языке длинную, не лишенную ритма фразу, которую московский ученый принял за стихи. Вьетнамец при декламации воодушевленную жестикулировал, простирая руки над ручьем. Леонид Степанович, естественно, ничего не понял, но по достоинству оценил мелодический строй, правильный размер и сложную рифму современного Хюйена Куанга и угостил его сигаретой из пачки, которую специально носил для таких случаев. Пиит закурил, но не успокоился. Он энергично произнес короткое хайку, все время кивая в сторону заводи, как будто приглашая Леонида Степановича купаться.

Орнитолог отрицательно замотал головой и отпрянул назад. Но упорный вьетнамец потянул его за руку и стал тыкать пальцем в прозрачную воду, указывая на что-то на дне омутка. Леонид Степанович ничего там не видел. Тогда раздосадованный слепотой европейского натуралиста вьетнамец с родного языка перешел на китайский (Леонид Степанович пожал плечами), потом на французский (этот вьетнамцу давался с трудом, чувствовалось, что французская колонизация закончилась давно) и завершил свою тираду этот полиглот джунглей на довольно приличном английском. Только тут Леонид Степанович разобрал единственное знакомое слово «фиш» – «рыба».

Наконец охотник, раздосадованный полной неграмотностью старшего научного сотрудника Академии наук, поднял потертый автомат, клацнул предохранителем и выпустил длинную очередь в воду, внося свое стаккато в общую переключку выстрелов. Вода в омутке вскипела, а когда успокоилась, на поверхность всплыла маленькая рыбка, изящными движениями которой и любовался возвращающийся домой путешественник.

– Фиш, – сердито сказал он Леониду Степановичу, – литл фиш. – И, бережно повесив на плечо автомат, побрел к деревне.

Вскоре и Леонид Степанович добрался до стационара. Там ходил хмурый Рычев, не застреливший леопарда. За ним стайкой бегали успокаивающие профессора младшие научные сотрудники.

Садилось солнце. Вьетнамские коллеги-зоологи готовились к ужину: рубили дрова, носили воду, разводили костры, чистили котлы и автоматы. В седьмом часу стемнело, и сумерки понеслись быстро, словно в театре торопливый электрик поспешно дернул ручку реостата. Наступила ночь. Умолкли дневные цикады, им на смену заголосили квакши, сверчки и кузнечики.

Из-под бамбукового, крытого пальмовыми листьями навеса, сооруженного над обеденным столом, запел до отвращения знакомый всем сотрудникам стационара и ненавидимый ими ночной певец – геккон-токо. Каждую ночь, с вечера до утра, геккон тысячи раз произносил свое имя. Первый слог «то» проговаривался им сдавленно, как будто у животного возникали рвотные спазмы (именно за этот звук, плохо сочетавшийся со столовой, геккона и не любили). Зато вторую часть своего имени рептилия, словно облегчившись, произносила четко, по-американски оптимистично – «о, кей». В итоге у него и получалось его собственное имя: «токей».

В лесу замерцали светлячки. Засветились и ослепительные, голубого цвета, и тонкие как лезвия шпаги лучи фонариков, прикрепленных к пробковым шлемам вьетнамцев-охотников, которые двинулись в джунгли. Прямые, жесткие линии электрического света скользили во тьме, прерываясь стволами, ветвями и широкими листьями деревьев. Вскоре из леса послышалась стрельба: охота началась.

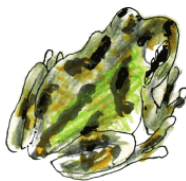
Серьезный промысел во Вьетнаме велся ночью. Это только мальчишки, эстеты-мечтатели, да и советские орнитологи палили днем. Настоящий же охотник шел по ночному лесу, светя из стороны в сторону мощным фонарем. И как только джунгли отвечали сдвоенным отблеском: красноватым, желтоватым, голубым или зеленоватым, охотник посылал туда пулю, целясь по глазам неведомого животного. Неведомого потому, что и сам стрелок подчас не знал, кто упадет с дерева или останется лежать на лесной тропе. Это мог быть и олень, и леопард, и вивера, и крыса, и домашняя кошка, и буйвол соседа: даже у опытных охотников случались такие казусы.

Но все при тогдашнем дефиците протеина считалось съедобным. «Не едят только тень от луны» – говорили в те времена вьетнамцы.

Леонида Степановича позвали ужинать, когда он, при свете керосиновой лампы зашивал тушку нектарницы.

Стоявшее на столе угощение было довольно незамысловатым. Русская водка, вьетнамская самогонка-маниоковка, вареный рис и мясо.

Экспедиция интенсивно пила и закусывала. Лишь брезгливый Леонид Степанович, морщась от воплей геккона, ел своей вилкой только рис. Перед ужином орнитолог неосмотрительно подошел к котлу, в котором варилась дичина. Там из родниково-кипящей воды периодически всплывали и приветливо махали проголодавшемуся натуралисту совсем человеческие ручки: сегодня ночью охотники настреляли обезьян.

Каникулы на юге

– Вася, переодевайся, – сказал Трофим Данилович, мужчина в самом соку, с выдающимся носом и роскошной шевелюрой седеющих волос, – скоро приедем.

С Трофимом Даниловичем ехали трое студентов биологического факультета. Молодые люди проявили себя на занятиях по зоологии и за это были награждены командировкой во время зимних каникул в один из Азербайджанских заповедников.

И студенты, и их педагог за двухдневный путь в плацкартном вагоне успели чуть откиснуть от рутины педагогического процесса самого тяжелого осеннего семестра, от монотонных лекций, тяжеловесных семинаров, нудных в своей бесконечности лабораторных работ, и, в сессионном итоге, – от нелепых вопросов и идиотских ответов на экзаменах и зачетах.

Но все это было позади, и сейчас экспедиция готовилась к встрече со столицей республики. Сам преподаватель был изначально одет в практичный и невзрачный костюм, который одинаково плохо смотрелся и в поле, и в городе. Женя, невысокий, слегка кучерявый студент с постоянно отведенными в сторону глазами и несомненными художественными способностями, вытащил из рюкзака чистые, вполне цивильные, но сильно жеванные брюки и такую же рубашку и переделся, сменив на них потертый хлопчатобумажный тренировочный костюм.

Облаченная в яркий спортивный костюм Нинка, живая и непосредственная фаворитка Трофима Даниловича, тоже привела себя в порядок, сняв с поясицы кусок белого полиуретана – нехитрое приспособление, крепившееся на поясе бельевой резинкой и называемое на туристическом жаргоне сидушкой. Приспособление позволяло его владельцу в походных условиях приземляться в любом месте. Для этого оно просто сдвигалось ниже поясицы. Нетерпеливая Нинка напялила сидушку уже в поезде. Однако перед Баку она вняла призыву своего руководителя. Перебирая и растягивая резинку, студентка опустила тюрнюр до пола, и переступив, освободилась от него.

Хотя она так и оставалась в глухом тренировочном костюме, но все ее движения в момент снятия сидушки были настолько отработанно-интимными, что и Трофим Данилович, и попутчики-кавказцы жадно посмотрели на Нинку.

Лишь последний член экспедиции, Вася Белкин, полноватый, близорукий и чуть заторможенный четверокурсник, уже успевший удивить орнитологическую общественность своими смелыми теориями о механизмах долбежки дятлов, смущенно засопел и сделал вид, что не расслышал доцента.

– Вася, переодевайся, – повторил Белкину начальник экспедиции, – через час Баку.

Наступило тягостное молчание. Наконец Белкин произнес:

– А у меня больше ничего нет.

– Как нет? – оторопел Трофим Данилович. – Я же в Москве тебе сколько раз говорил: два дня будем в городе жить, поэтому возьми с собой что-нибудь поприличней. Ну, раз у тебя ничего нет, – и Трофим Данилович с плохо скрываемой брезгливостью посмотрел на Белкина, – придется тебе в Баку всё время дома сидеть. До самого отъезда в заповедник. Я тебя в таком виде в город не выпущу.

Наряд у Васи, что и говорить, явно не соответствовал столице солнечного Азербайджана. На ногах студента были старые резиновые сапоги. То, что они оказались дырявыми, Вася обнаружил только в день отъезда и заклеил их клеем собственного изобретения, который, как выяснилось, свободно пропускал воду, но зато не сох, а по внешнему виду напоминал свежeproлитый кефир. Дальше шли брюки военного образца. Судя по их состоянию, Васю демобилизовали прямо от бетономешалки (Белкин служил в стройбате). Еще выше наблюдался тонкий драный свитерок вишневого цвета. А вот что было под ним, не знал никто, так как Вася почти никогда не снимал одежду и только в крайнем случае – верхнюю. Последняя состояла из древней

телогрейки, застегивающейся на единственную, сохранившуюся под самым горлом пуговицу. Из других элементов Васиного наряда следует упомянуть захватанный треух, который в связи с оторванностью тесемок придавал хроническому трезвеннику Васе вид профессионального алкоголика.

Из Васиной амуниции заслуживала внимание полевая сумка, которую дятловед носил под телогрейкой на коротком ремешке под мышкой, на манер кобуры оперативных работников. Сумка была довольно упитанной (в ней хранился справочник по дятлам мира и восьмикратный бинокль). Поэтому казалось, что Вася стал обладателем уникальной боковой беременности.

Азербайджанский орнитолог Нусрат, старый друг Трофима Даниловича, хорошо принял московских гостей в своей квартире, несмотря на внешний вид Васи, который больше подходил к архангельской зоне, чем этому субтропическому городу.

Нусрат, энергичный и кареглазый, отличался чрезвычайно маленьким ростом и связанной с этим гвардейско-петушиной выправкой. Жена у Нусрата была русская, но по-восточному неслышно-заботливая, появляющаяся именно тогда, когда это было нужно хозяину.

Вечером, по традиции кавказского гостеприимства, хозяева устроили праздничный ужин в честь московских коллег.

На пиру Вася берег свое здоровье и поэтому ничего не пил, хотя Нусрат несомненно знал толк в винах и коньяках. Дятловед тем не менее вредил своему организму тем, что слишком усердно налегал на еду. Он пододвинул к себе блюдо с малосольной каспийской сельдью-заломом и в один присест съел половину. Трофим Данилович, заметив это, галантно улыбнулся хозяйке дома и отодвинул блюдо на недостижимое для Белкина расстояние. Однако Васе рыба так понравилась, что он, в то время как другие сотрапезники произносили тосты и чокались за советских и азербайджанских птичек, тоже приподнимался, но лишь затем, чтобы через весь стол вилкой дотянуться до заветного залама.

Под вечер Трофим Данилович настолько расслабился, что не заметил, как Вася подкрался к селедке, после чего тарелка быстро покрылась горкой рыбных костей.

После выпитого коньяка Нусрата стала беспокоить сухость в рту. Вежливо прервав рассуждения Трофима Даниловича об уникальности Ленкоранских зимовок водоплавающих птиц, он потянулся было к полке, где у него для такого случая была припасена трехлитровая банка ткемалевого сока.

– А вот что хорошо утоляет жажду, – произнес Нусрат и взял банку. Но сосуд был пуст. Рядом в кресле сидел Вася и, сыто блестя маленькими глазами, читал «Вышку» – газету нефтяников.

* * *

Утром москвичи стали собираться на прогулку – посмотреть Баку. Вася, как всегда, надел через голову свою «боковую беременность», поверх – телогрейку, а на голову натянул треух. Нусрат и его жена молча следили за этими манипуляциями. И только когда Белкин потянулся к сапогам, азербайджанский коллега спросил:

– Вася, вы в этом хотите в город пойти?

Вася виновато взглянул на Трофима Даниловича и утвердительно хрюкнул.

– Вася, – мягко сказал Нусрат, – у нас в таком виде по городу гулять не принято. У вас есть еще что-нибудь?

Вася насупился и молча стал рассматривать разглядывать носок своего сапога, обильно политого удивительным клеем.

– Я ему вчера то же самое говорил, – злорадно поддержал хозяина Трофим Данилович. – И мы условились, что он в этих своих телогрейке, сапогах и шапке будет дома сидеть.

– Ну зачем же так строго, – примирительно сказал Нусрат. – Мы ему что-нибудь сейчас подыщем. Юноше ведь тоже хочется посмотреть наш замечательный город.

В гардеробе у Нусрата оказался светло-бежевый костюм покойного дяди. Вася примерил его. Костюм фасона пятидесятых годов сидел хорошо. Вот только брюки были коротковаты: почти по колено. Но в шкафу не нашлось ни головного убора (от широченной кепки Вася наотрез отказался) ни, самое главное – обуви. Хозяин перерыл всю кладовку, но ничего подходящего там обнаружить не смог. Вася уже потянулся к своим заплеванным сапогам. Но Нусрат, видимо, представив его в них на улицах любимого города, содрогнулся и достал с верхней полки последнюю картонную коробку. В ней оказались черные лыжные ботинки с широчеными рантами.

Вся компания вышла из дома. Впереди в ботинках на высоченных каблуках, в белой гипюровой рубашке и строгом черном костюме гордо шествовал Нусрат. За ним следовала Нинка в броском тренировочном костюме и в усиленном варианте макияжа, далее шли незаметный в своем полевом наряде Трофим Данилович, Женя в уже отвисевшихся брюках и Вася Белкин в бежевой тройке. В сувенирной лавочке на углу Вася купил себе тибетейку, но ни на узбека, ни тем более на азербайджанца походить не стал, зато неожиданно приобрел вид аккуратного еврейского мальчика. Гуляющая по бакинским бульварам публика, по всей видимости, так и воспринимала Васю, пока, не усматривала, опустив очи долу, коротенькие брюки, красные и чрезвычайно грязные носки и ластоподобные лыжные ботинки.

Вася же ни на кого не обращал внимания. Он периодически запускал руку к себе подмышку, извлекал оттуда бинокль и рассматривал бегающих по газонам черных дроздов.

Через два дня у Васи отобрали бежевый костюм, оставив на память о Баку лишь лыжные ботинки. А вечером того же дня студенты с преподавателем выехали на юг республики, на морское побережье Лекоранской низменности, в заповедник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.